

Max Weber

WIRTSCHAFT UND GESELLSCHAFT

Grundriss der verstehenden Soziologie

5. revidierte Auflage

Besorgt von Johannes Winckelmann

Макс Вебер

ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВО

Очерки понимающей социологии

ГОСПОДСТВО

Оглавление

Предисловие научного редактора издания к тому IV	6
--	---

Том IV ГОСПОДСТВО

I. Социология господства	17
Господство.....	17
Бюрократизм.....	29
Патримониализм	72
Феодализм.....	137
Харизматизм	178
Преобразование харизмы.....	185
Сохранение харизмы	216
Государство и иерократия	227
II. Город.....	281
1. Понятие и категории города	281
2. Западный город	301
3. Родовой город в Средневековье и в Античности	323
4. Плебейский город	350
III. Статьи.....	404
Три чистых типа легитимного господства	404
Проблемы социологии государства	415
Приложения	419
Глоссарий	421
Словарь иноязычных слов и выражений	455
Словарь понятий Макса Вебера.....	465
Биобиблиографический указатель.....	499
Список сокращений	514
Именной указатель	515
Предметный указатель.....	519
Оглавление томов I—IV.....	536

Предисловие научного редактора издания к тому IV

Перед вами — четвертый, заключительный том «Хозяйства и общества». Работы, составившие этот том, были написаны (в основном, за исключением двух последних материалов) перед Первой мировой войной и предназначались для многотомного издания «Основы социальной экономики». При жизни Вебера они не были опубликованы, и автор предполагал их переработку. Но смерть не дала ему осуществить свои планы. Впервые эти работы увидели свет в посмертном издании «Хозяйства и общества», осуществленном вдовой автора Марианной Вебер. Именно оно легло в основу последующих немецких изданий, в том числе и последнего, под редакцией Й. Винкельмана, с которого преимущественно и делался русский перевод. Подробно о драматической истории «Хозяйства и общества» можно прочитать во вступительной статье редактора русского издания в томе первом и в его же предисловиях ко второму и третьему томам. Здесь же целесообразно сосредоточиться на характеристике самих работ, вошедших в этот том.

Но прежде — несколько замечаний редакционного характера. Любопытный читатель, внимательно знакомившийся с планом издания (оглавление всех четырех томов печаталось в конце каждого из трех предыдущих), легко заметит, что оглавление настоящего тома не совпадает с тем, что было обещано в предыдущих томах. Изменения заключаются в следующем.

1. Изменились *названия* всех разделов, посвященных формам господства. Например, вместо «Раздел первый. Структурные формы и способы функционирования господства» стоит «Господство», вместо «Раздел второй. Предпосылки и развертывание бюрократического господства» — «Бюрократизм» и т.д. Эти, как и все последующие, изменения объясняются развитием веберовских исследований в самой Германии, а конкретнее — выходом в свет очередных томов полного академического собрания трудов Вебера, в том числе тома, посвященного проблематике господства (MWG. 1/22-4). Как сказано выше, наше издание ориентировалось на последнее (а теперь уже предпоследнее) немецкое издание «Хозяйства и общества» под ред. Й. Винкельмана. Проиgnорировать новое издание с его текстологической глубиной и богатейшим научным аппаратом, конечно же, было невозможно. Отсюда и новые названия разделов: как показали редакторы

полного собрания, заголовки в теме «Господство», имеющиеся во всех посмертных изданиях, включая винкельмановское, не восходят к самому Веберу, поэтому и было решено заменить их на более краткие и точные обозначения содержания этих разделов. Новейшему авторитетному изданию следует доверять, тем более что лапидарные обозначения в новом варианте выигрывают в точности и выразительности по сравнению со старыми названиями.

2. Раздел, посвященный харизме (раздел пятый у Винкельмана), разбит в полном собрании на три раздела. Так же и у нас; вряд ли нужно приводить аргументы в пользу этого изменения, особенно с учетом того, что содержание осталось прежним.

3. В обширной статье «Город», составляющей часть II настоящего тома, два последних параграфа — «Плебейский город» и «Античная и средневековая демократия» объединены в один параграф — «Плебейский город». Это соответствует как самой первой посмертной публикации «Города», так и новейшему полному собранию трудов; разбиение на два параграфа было сделано не самим Вебером, а редакторами предыдущих изданий.

4. Действительно существенным является отсутствие обещанного ранее раздела (восьмого в издании Винкельмана), озаглавленного «Рациональное государство как учреждение и современные политические партии и парламенты (социология государства)». Редакторы полного собрания также исключили этот раздел. Дело в том, что он одновременно и принадлежит, и не принадлежит Веберу. Этот раздел скомпилирован Й. Винкельманом из материалов трех других веберовских работ, написанных по совершенно иным поводам и опубликованных в совершенно иных контекстах. Хотя аргументы Винкельмана в пользу созданного им «дополнения» к «Хозяйству и обществу» выглядят существенными¹, включать это дополнение в канонический текст все же не представляется возможным. Тем более что русскому читателю доступны работы Вебера, из фрагментов которых скомпонован этот раздел: *Вебер Макс. История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории*. Пг.: Наука и школа, 1923 (имеются также более поздние издания на русском языке); *Вебер Макс. Политические работы*. М.: Праксис, 2003; *Вебер Макс. Политика как призвание и профессия* // Вебер Макс. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644—706.

5. Не отмечались в планах, представленных в предыдущих томах, и две небольшие работы Вебера, завершающие издание. Это также опубликованные в томе «Господство» полного собрания его трудов статья «Три чистых типа легитимного господства» и изложение доклада Вебера «Проблемы социологии государства», прочитанного 25 октября 1917 г. в «Социологическом обществе» в Вене.

¹ См. предисловие Винкельмана к четвертому немецкому изданию (т. I, с. 43—46 настоящего издания).

Этим исчерпываются изменения, внесенные в структуру тома по сравнению с проспектом, представленным в предыдущих томах. Все они были обусловлены новыми текстологическими соображениями немецких «вебероведов».

6. Еще одно изменение касается перевода одного из веберовских терминов: *Veralltäglicung*. Если «скалькировать» это немецкое слово, получается русский термин «оповседневнивание». На первый взгляд он может показаться чересчур громоздким, таким он и казался научному редактору русского издания во время подготовки первого тома. Поэтому термин *Veralltäglicung* переводился там словом «рутинизация». Теперь же по некоторым причинам термин «оповседневнивание» представляется более обоснованным. Поэтому в настоящем томе (в отличие от первого) говорится, как правило, об оповседневнивании харизмы, а не о ее «рутинизации».

В первом томе «Хозяйства и общества» есть большая глава, посвященная типам господства². Она в несколько раз короче, чем исследование форм господства в настоящем томе, и концептуально гораздо насыщеннее. Но у концептуальной плотности есть своя оборотная сторона. Издатель тома, посвященного проблематике господства, в полном собрании работ Вебера цитирует известного социолога Вильгельма Хенниса, воскликнувшего: «Сколь скудна была бы социология господства, если бы мы знали ее только в виде третьей (новой) главы!»³. Действительно, сама по себе любая концептуальная схема слабо убеждает, пока не раскрыта перспектива ее применения к живой социальной (= исторической) реальности. И семь глав о господстве, вошедшие в настоящий том, а равно и большая работа о городе, как раз и есть опыт применения концептуальной схемы господства в анализе исторической реальности. Макс Вебер — уникальный аналитик, способный увидеть и показать типическое социологическое в единичном историческом. В результате вроде бы сухая схема типов господства начинает блестеть яркими красками живых событий, а сами исторические события перестают казаться набором случайностей и обретают смысл и глубину.

Тем не менее в настоящем предисловии будут кратко охарактеризованы именно основные понятия, на которых базируется сама веберовская схема развития и преобразования систем господства. В нашу задачу не входит оценивание этой концептуальной схемы и составляющих ее понятий. Определять, достаточно ли они эвристичны и точно ли характеризуют описываемое явление или, наоборот, бесплодны и не соответствуют современному уровню развития науки, — это задача исследования и критики. Мы

² См. т. I, гл. 3 настоящего издания. С. 252–333.

³ Hennis W. Max Weber und Thukydides. Nachträge zur Biographie des Werks. Tübingen: Mohr Siebeck, 2003. S. 163. Цит. по: MWG. 1/22–4. S. XIX.

же пытаемся эксплицировать эту схему только для того, чтобы облегчить читателю вхождение в отнюдь не простой веберовский текст. Надо сказать, что сам Вебер помочь читателю в этом отношении совсем не пытается. В тексте отсутствуют разного рода сноски, пояснения, отсылки, уточнения, т.е. весь тот аппарат, посредством которого работа как бы встраивается в текущий научный процесс. Отсутствие научного аппарата можно объяснить двояко. С одной стороны, перед нами работа, которую автор не подготовил к изданию. Наоборот, он считал, что сочинение не «дозрело» и, как пишут издатели тома, посвященного господству, в немецком полном собрании Вебера, неоднократно, причем довольно резко отказывал издателю в предоставлении давно обещанного текста. Впрочем, в упомянутой выше «третьей (новой) главе», корректуру которой Вебер подписал к печати, научный аппарат также практически отсутствует, хотя она, конечно, более систематизирована, чем сочинения, вошедшие в настоящий том.

С другой стороны, отсутствие всякого рода примечаний, сносок и отсылок объясняется самим стилем работы Вебера, его необычайной эрудицией и свободой в распоряжении материалом. В предисловии к третьему тому настоящего издания было отмечено, что именно эти широта эрудиции и свободное владение материалом зачастую приводили в недоумение коллег, буквально не верящих, что все это могло быть сделано одним человеком. Это, правда, относилось к «Социологии права». Но то же можно сказать и о социологии господства. Вдова Вебера Марианна Вебер свидетельствовала, что он писал это сочинение «из головы», а потому без всяких сносок и примечаний. «Материалы и аппарат ему не требовались, потому что он свободно владел своими универсальными знаниями»⁴.

Было бы жестоко обрекать читателя на встречу один на один с таким текстом, не «адаптированным» к текущим научным потребностям. Поэтому в каждом из томов русского издания, в том числе и в настоящем томе, предусмотрена двоякого рода помощь читателю. Прежде всего, в приложении даны несколько словарей и указателей, к которым читатель может обратиться за разъяснением определенных терминов, имен, концепций. Это: 1) глоссарий, где содержится объяснение некоторых редко встречающихся или специфических научных терминов и исторических реалий; 2) словарь переводов иноязычных слов и выражений, употребляемых в веберовском тексте; 3) словарь специфических понятий социологии Макса Вебера; 4) библиографический указатель, необходимый уже потому, что, ссылаясь на какого-либо автора, Вебер не дает никаких библиографических ссылок. Библиографический указатель частично восполняет этот недостаток. Четыре перечисленных указателя позволили избежать многочисленных сносок внутри самой работы, которые обычно загромождают текст и сильно отвлекают внимание читателя.

⁴ Weber Marianne. Max Weber. Ein Lebensbild. 3. Aufl. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1984. S. 688.

Кроме того, важной помощью читателю может стать предварительное формулирование некоторых основных понятий и демонстрация складывающейся на их основе концептуальной схемы развития систем господства, что и планируется в данном предисловии.

Переходим к самим этим понятиям. Прежде всего возникает вопрос, что такое *господство*. В самом общем виде, по определению Вебера, господство — это вероятность того, что некоторая группа людей будет повиноваться некоему приказу (или приказам). То есть это не любая возможность реализации власти или влияния. Господство проявляется в подчинении, которое каждый раз может побуждаться разными мотивами — от простой привычки до чисто целерациональных соображений, но при этом каждому подлинному отношению господства будет свойствен определенный минимум *желания подчиниться*, а следовательно, внешней или внутренней заинтересованности в подчинении.

Мотивы, которыми руководствуется подчинение, — это и есть основание *легитимности господства*. Мы знаем, что, согласно Веберу, есть три типа легитимности: традиционная, харизматическая и рациональная. Соответственно существуют три типа господства в зависимости от типа его легитимности: традиционное (легитимация в силу традиции), харизматическое (в силу харизмы господина), легально-рациональное (легитимация в силу соответствия господства правовым нормам). Конкретные формы господства, анализируемые в данном томе: бюрократизм, патриархализм, патримониализм, феодализм (в нескольких его разновидностях), харизматизм (в разных его проявлениях), а также город как воплощение некоего специфического типа — нелегитимного господства. При этом патриархализм, патримониализм, феодализм представляют традиционный тип господства, харизматизм — харизматический тип, а бюрократизм — легально-рациональный.

Повторим, что цель здесь не критика социологии господства Вебера и не оценка его концепции, а просто создание некой упрощенной «модели» книги для облегчения работы читателя. Попытаемся далее кратко охарактеризовать разные формы господства и несколько более подробно остановимся на «нелегитимном» господстве.

Итак, *патриархализм* — первая из рассматриваемых Вебером форм господства. Это ситуация, когда некоторой общностью (таковой может быть род, племя, семья в самом широком смысле слова, вообще домашняя или хозяйственная общность) единолично и неограниченно управляет индивид, получивший свою власть по праву наследования. Это патриарх, владеющий и распоряжающийся всем и всеми в своем домашнем хозяйстве.

Природу патриархализма легче понять в его сравнении с патримониализмом. *Патримониализм* — следующая ступень в развитии хозяйства и его

социальной организации. Патриарх правит в своем роде, семье, домохозяйстве, сколь бы велико оно ни было, — сам. Но, предположим, домохозяйство разрастается настолько, что сыновья патриарха, а может быть, и его рабы со своими семьями образуют собственные хозяйства (хозяйственные единицы), оставаясь при этом зависимыми от патриарха. Он по-прежнему является их господином, но не может управлять ими непосредственно и вынужден создавать, по терминологии Вебера, *штаб управления*. Короче, патримониализм отличается от патриархализма: 1) определенной децентрализацией власти, поскольку управление частично передается вместе с землей сыновьям и/или другим зависимым лицам, и 2) существованием личного штаба управления, который, так же как и определенная военная сила, является инструментом реализации воли господина, ну и тем, что 3) господин здесь не глава рода, семейный владыка, а князь с подданными или землевладелец с зависимыми крестьянами.

Следующая форма господства — *феодализм*. В самом общем виде это господство земельной военной аристократии. Главные формы феодализма, по Веберу, — *ленный феодализм* и *пребендальный феодализм*. При *ленном феодализме* господин наделяет вассала (младшего феодала в феодальной иерархии) землей («леном») в обмен на клятву верности и готовность служить ему либо в управлении, либо на войне в случае военных действий. Клятва верности — это знак сугубо личных отношений господина и его вассала. Совокупность вассалов представляет собой штаб управления феодального господина.

Иначе устроен *пребендальный феодализм*. В отличие от *ленного* он не предполагает отношений личной верности, а существует лишь в силу пожалованных землевладений, прав на налоговые сборы и т.п., т.е. в условиях господства *пребенды*. Это очень важное понятие. Германская *пребенда* — примерно то же самое, что и латинский *бенефиций*. В средневековой Европе *пребенда* — это право на доход и имущество (земельные владения, дома для жительства клира, доходы от сборов, денежное жалованье), которым обладают духовные лица всех категорий, как на вознаграждение за исполнение должности, чаще всего церковной. В более широком смысле данный термин может применяться и по отношению к светскому чиновничеству. Кроме того, это доходы и возможности, получаемые патримониальными подданными (сюда входят государственные кредиторы, частные поставщики военных и налоговых услуг, неоплачиваемые кондотьеры и солдаты, наконец, кандидаты на должности). Они получают все это от феодального господина (князя, епископа) в обмен на оказание ему политической или военной поддержки. Как правило, в качестве *пребенды* выступают доходные места в управлении или воинской службе, предполагающие использование товаров и продовольствия из кладовых господина, пользование служебной землей, присвоение возможностей рент, платежей и налогов, апроприация лена и др. Обычно *пребенды* со временем апроприируются, т.е., по сути

дела, присваиваются. Иными словами, как сама должность, так и все связанные с нею материальные и административные преимущества и привилегии становятся собственностью того, кто эту должность исполняет.

Патриархализм, патримониализм, феодализм во всех его разновидностях — это все формы *традиционного господства*. Остаются еще харизматический и легальный типы. *Харизматическое господство* обусловлено преклонением перед харизматическим господином и подчинением ему, оно легитимно лишь постольку и до тех пор, поскольку и пока личная харизма господина признана и востребована учениками, соратниками и приближенными. *Харизма* — это некое качество индивида, в силу которого он слышит одаренным сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по крайней мере, особо исключительными, никому больше не доступными силами и способностями либо считается посланцем богов, образцом, достойным подражания, и поэтому вождем, героем, гением и т.п.

Легальное господство — господство, которое основано на вере в законность зафиксированных в формальных актах правил и прав распоряжения, принадлежащих тем, кто призван к господству на основе этих актов. Наиболее полно реализуется в *бюрократизме*.

Остается понять, что такое *нелегитимное господство*. Можно было бы предположить, что это господство путем чистого насилия, которое не заботится о своей легитимации, когда господин добивается своих целей вопреки воле тех, над кем господствует. Но это было бы неправильно, потому что такое положение дел не отвечает самому понятию господства, как оно определено Вебером и воспроизведено нами выше. Господство всегда предполагает определенное *желание подчиниться* тому, кто господствует, и определенный мотив подчинения. Типы мотивов, как было сказано, это и есть типы легитимности господства.

В упоминавшемся выше издании Винкельмана представленная в этом томе работа «Город» имела другой заголовок: «Нелегитимное господство (типология городов)». Разумеется, он не был просто выдуман Винкельманом. Такое название имелось в одном из составленных самим Вебером проспектов подготавливаемого труда по теме господства. Независимо от того, как правильно называть эту статью (а правильно, очевидно, «Город»; именно так согласно имевшейся рукописи была озаглавлена первая, посмертная публикация статьи в 1921 г.⁵), становится ясно, что Вебер связывает возникновение данного типа господства с развитием городов. Конкретнее — с процессами формирования городских коммун в ходе узурпации (а то и «революционной узурпации») прав возникающими общностями бюргеров независимо от желаний или даже вопреки желаниям легитимных властей. Совершается «изначальная узурпация посредством внезапного акта обоб-

⁵ Weber Max. Die Stadt. Eine soziologische Untersuchung // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1921. Bd. 47. Heft 3.

щества», возникает «клятвенное побратимство (*conjuratio*) бюргеров»⁶. «...Во Франции возникновение городских общностей в крупных старых городах частью происходило путем узурпации союзами бюргеров, купцов и городских получателей рент, объединявшихся либо с живущими в городе рыцарями (на юге), либо с братствами (*confraternitates*) и цехами ремесленников (на севере страны)»⁷. Особенно ярко и четко процесс узурпации прорисован Вебером на примере конституирования *popolo* в итальянских городах XII в. По собственной характеристике Вебера, община *popolo* была первым «осознанно нелегитимным и революционным политическим союзом». Эта осознанная нелегитимность заключалась в том, что, являясь особой политической общиной внутри коммуны со своими должностными лицами, собственными финансами и военными силами, она «была в подлинном смысле слова государством в государстве»⁸.

В «Городе» Вебер приводит множество других примеров становления политических союзов путем «узурпации» — возникновение общины римского плебса или организацию афинской демократии времен Перикла: «его власть основывалась не на законе или должности, а на личном влиянии и доверии демоса. Она была, следовательно, не только нелегитимной, но и нелегальной»⁹.

Ни в «Городе», ни в других работах, посвященных проблематике господства, нет однозначных высказываний, которые позволили бы четко определить систематическое место «нелегитимного господства» в типологии форм господства. Пожалуй, единственное упоминание, заслуживающее внимания в этом отношении, — в докладе, который состоялся 25 октября 1917 г. в Социологическом обществе в Вене. В настоящем томе доклад приводится в изложении. Неизвестный референт пишет: «В заключение он (докладчик. — Л. И.) перешел к показу того, как современное развитие западного государства постепенно ведет к формированию *четвертого типа идеи легитимности* — такого господства, которое, по крайней мере официально, выводит свою легитимность из воли тех, над кем оно господствует (курсив мой. — Л. И.). В своей начальной стадии она далеко отстоит от всех современных демократических идей. Ее специфическим носителем является *западный город как социологическое образование*, которое отличается от всех других подобного рода городских образований всех времен и народов как по типу своего возникновения, так и по своему социологическому смыслу, как в Античности, так и в Средневековье. В своих наиболее развитых вариантах такая легитимность изначально зиждется на том, что

⁶ См. с. 313 настоящего тома.

⁷ Там же. С. 317–318.

⁸ Там же. С. 351.

⁹ Там же. С. 361.

оборонительный союз граждан города складывается как клятвенное братство и *управляет сам собой посредством чиновников* (курсив мой. — Л. И.)»¹⁰.

Думается, что есть достаточно оснований дополнить веберовскую классификацию типов господства нелегитимным господством. Возможно, именно эта категория должна была играть важную роль в планировавшейся Вебером, но так и не состоявшейся социологии государственных переворотов и революций.

Хочу поблагодарить всех переводчиков, которые не только отважились взяться за трудный текст такого сложного автора, как Макс Вебер, но и сумели довести перевод до конца. Как редактору русского издания, мне, может быть, и хотелось бы списать на переводчиков неизбежные в таком большом и сложном издании неточности и ошибки, но мне пришлось вложить столь много труда в проверку терминов, интерпретацию понятий и связанное с этим часто очень значительное изменение текста, что кажется правильным принять на себя ответственность за все недостатки перевода.

Благодарю д.с.н., профессора А.И. Черных за внимательное прочтение материалов данного тома и высказанные важные замечания. Ее постоянная поддержка играла важнейшую роль на всех этапах реализации этого многосложного и трудоемкого проекта — русского издания «Хозяйства и общества».

Огромная благодарность Научной библиотеке НИУ ВШЭ в лице ее директора Н.Ю. Максимовой и старшего эксперта Н.Б. Шулики за поистине бесценную помощь в обеспечении необходимой литературой.

Не могу не выразить благодарность Фонду Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt-Stiftung, Bonn), с которым я имел счастье сотрудничать в течение нескольких десятилетий и который, в частности, оказал важную помощь в выполнении настоящего проекта.

В качестве научного редактора перевода я подготовил весь представленный в приложении научный аппарат тома: глоссарий, словарь иноязычных слов и выражений, словарь понятий Макса Вебера и библиографический указатель, предметный указатель, а кроме того, постраничные примечания в тексте, за исключением тех, источник которых указан особо. Разумеется, выполнение всех этих крайне сложных работ было бы невозможным без использования богатейшего справочного материала и комментариев к тексту Вебера, имеющихся в томах «Хозяйство и общество. Господство» и «Хозяйство и общество. Город» полного собрания работ Вебера (MWG. 1/22-4 и 1/22-5).

Л. Ионин

¹⁰ См. с. 417 настоящего тома.

Том IV

ГОСПОДСТВО

I. СОЦИОЛОГИЯ ГОСПОДСТВА

ГОСПОДСТВО

1. Власть и господство. Переходные формы

Господство в самом общем смысле, не связанном с его конкретным содержанием, является одним из важнейших элементов действия общности¹. Хотя господство имеет место не во всяком таком действии, оно все же играет важную роль в большинстве типов действия, даже там, где на первый взгляд кажется отсутствующим. Например, в языковых общностях. Скажем, объявление какого-нибудь диалекта по приказу властей рабочим языком канцелярий может сыграть решающую роль в образовании крупных общностей, спаянных единым литературным языком (например, Германия). Или, наоборот: политическое разделение фиксирует уже существующую языковую дифференциацию (Голландия и Германия), а господство, на практике осуществляемое в школе, окончательно и на глубочайшем уровне закрепляет тип и перевес официального школьного языка. Все без исключения области действия общности демонстрируют самое глубокое влияние структур господства. В подавляющем большинстве случаев именно господство и способ его реализации есть то, что рождает из аморфного действия общности рациональное обобществление², если же этого не происходит, все равно именно структура господства и ее развертывание формируют действие общности, однозначно определяя его ориентацию на некую цель. Особенно существенную роль факт господства играет в наиболее важных с экономической точки зрения структурах прошлого и настоящего — в землевладении, с одной стороны, и крупном капиталистическом производстве — с другой.

Господство, как мы сейчас увидим, есть частный случай власти. Но, как и любая форма власти, оно не используется его обладателем исключительно или даже постоянно для удовлетворения чисто экономических интересов, скажем, для обеспечения продуктами хозяйствования. Хотя, конечно, распоряжение экономическими благами, т.е. экономическая власть, является частым, а иногда запланированным и желаемым результатом господства и так же часто одним из его важнейших инструментов. Но, как мы покажем [с. 18–20; здесь и далее при отсутствии указания на том см. т. IV], не всякая экономическая власть выражается в господстве в принятом здесь

¹ Объяснение специфических веберовских терминов см. в словаре понятий Макса Вебера в конце настоящего тома.

² См. словарь понятий Макса Вебера.

смысле слова. И не каждое господство использует для своего основания и сохранения инструменты экономической власти. Правда, в самых важных и самых распространенных формах господства именно это и происходит, причем так и в таком объеме, что применение экономических инструментов для поддержания господства решающим образом воздействует на самую его структуру. Кроме того, большинство экономических общностей, в том числе наиболее значимые и современные, демонстрируют наличие структур господства. И наконец, структуры господства, даже несмотря на то что их своеобразие не связано однозначно с определенной экономической организацией, в большинстве случаев экономически релевантны и, в свою очередь, так или иначе экономически обусловлены.

Мы намерены сначала представить по возможности более широкие и потому менее конкретные, а иногда даже не совсем четко формулируемые положения о связи форм хозяйства и господства. Для этого прежде всего надо точно определить, что такое господство и как это понятие соотносится с общим понятием «власть». Господство как власть в широком смысле, т.е. как возможность подчинить поведение другого собственной воле, может существовать в самых разных формах. Если, например, как это иногда делается, мы считаем властью притязание, которое закон признает за кем-то одним по отношению к другому или другим, не наделенным таким же правом, например право требования кредитора по отношению к должнику, то в результате мы истолковываем всю сферу современного частного права как децентрализацию господства в руках тех, кто имеет право в силу закона. Тогда можно сказать, что рабочий имеет власть, т.е. «господствует», над предпринимателем в том, что касается зарплаты, на которую претендует, а чиновник имеет власть над монархом в отношении размера полагающегося ему содержания и т.д., что терминологически было бы явной натяжкой, во всяком случае дало бы лишь временное понятие господства, ибо, например, распоряжение судьи в отношении осужденного имеет все же качественно иной характер, чем «распоряжение» кредитора как обладателя неких прав в адрес еще не осужденного должника. Господство также может проявиться в светском салоне и на рынке, на профессорской кафедре и на полковом плацу, в любовной связи и в благотворительной деятельности, в научной дискуссии и в спорте. В столь обширном объеме понятие господства не имеет научной перспективы. Исчерпывающая казуистика всех форм, условий и содержаний «господствования» в таком широчайшем понимании здесь невозможна. Поэтому пока обратим внимание на то, что наряду с многочисленными иными вариантами существует два диаметрально противоположных типа господства. С одной стороны, господство в силу констелляции интересов (особенно возникновения монополии), с другой — господство в силу авторитета (права отдавать приказы и обязанности повиноваться). В первом случае самый чистый тип — это монопольное господство на рынке, во втором — отеческая, должностная или княжеская

власть. В первом случае господство существует в силу воздействия — на основе гарантированного каким-либо образом владения (или какой-то востребованной рынком способности) — на преследующее исключительно собственный интерес формально *свободное* действие подчиняющегося господству индивида. Во втором случае — в силу независимой от всех иных мотивов и интересов простой обязанности повиноваться. Оба варианта легко переходят друг в друга. Например, крупные центральные банки или большие кредитные институты благодаря монополистическому положению часто господствуют на рынке капиталов. Они диктуют условия предоставления кредита, т.е. воздействуют на экономическое поведение кредитующихся в целях обеспечения ликвидности собственных средств, поскольку кредитующиеся в своих интересах вынуждены принимать эти условия и даже обеспечивать гарантии их выполнения. Кредитные институты при этом не используют *авторитет*, т.е. существующее вне зависимости от каких-либо интересов право на повиновение фактически повинующихся; они преследуют собственные интересы и продвигают их как раз в силу того, что повинующиеся, действуя формально свободно, следуют своим, т.е. в данных обстоятельствах насильственно навязанным, рациональным интересам. В той же позиции находится любой обладатель даже неполной монополии. Несмотря на существующую конкуренцию, он может в определенных границах предписывать цены партнерам и конкурентам, т.е. собственным поведением принуждать их к выгодному для него поведению, хотя при этом ни в малейшей степени не навязывает им *обязанность* повиноваться его господству. Всякий типичный способ господства в силу констелляции интересов, в особенности в силу монопольного положения, может быть преобразован в авторитарное господство. Например, для улучшения контроля банки могут потребовать включения своих директоров в наблюдательный совет кредитуемой фирмы, а наблюдательный совет отдает правлению приказы, которым оно обязано повиноваться. Или же эмиссионный банк подвигает крупные банки к заключению картельного соглашения и при этом, опираясь на свою властную позицию, старается получить полный контроль и возможность регламентации их поведения по отношению к клиентам в валютно-политических или конъюнктурно-политических либо — если он сам подвержен политическому влиянию — в чисто политических целях, например, для финансирования подготовки к войне. Если бы удалось добиться такого контроля и затем зафиксировать в регламентах его форму и направленность, возникли бы особые инстанции и иерархии для решения возникающих проблем, и чем строже эти инстанции были бы оформлены (а все это теоретически допустимо), тем скорее господство уподоблялось бы авторитарному господству государственной бюрократической инстанции по отношению к подданным, а повиновение приняло бы характер авторитарного отношения подчиненности. То же самое справедливо по отношению к господству владельцев пивоварен над хозяевами пив-

ных, которым первые в свое время предоставили средства для запуска дела, или группы издателей, названных издательским картелем, — над книготорговцами, или Standard Oil Company — над продавцами нефтепродуктов, или конторы угольного синдиката — над розничными торговцами углем. В результате все эти вроде бы независимые субъекты постепенно превращаются в наемных агентов по сбыту, сидящих на проценте, зависящих от своих «работодателей» и по типу зависимости почти не отличающихся от других сотрудников; они также подчиняются «шефу», только работают как бы на выезде, вроде ремонтников и других частных служащих. Между фактической долговой зависимостью и формальным долговым рабством (в древности) или между зависимостью ремесленника в экспортной отрасли от знающего рынок купца и жесткой дисциплиной домашнего производства и надомной работой с авторитарным регулированием (в Средневековье и Новом времени) нет непреодолимой пропасти, а есть ряд ступеней. И существует множество переходных форм, вплоть до позиций конторщика, техника, рабочего в мастерской, которые нанимаются путем формально «равноправного» договора при формально «добровольном» согласии с «предложенными» условиями, но дисциплина которых, по сути, мало чем отличается от дисциплины госучреждения или даже военной службы. Правда, отличие военных от остальных названных категорий состоит в том, что место рабочего или служащего может быть занято и освобождено добровольно, военная же служба у нас (в отличие от старого договора о военном найме) обязательна³, и это различие важнее, чем различие между работой в госучреждении и в частной компании. Но поскольку политическое отношение подданства может быть принято добровольно и в определенном объеме добровольно разорвано, так же как и феодальные, и в определенной степени даже патримониальные зависимости прошлого, то переход к полностью недобровольному и со стороны подчиненного обычно неразрываемому чистому авторитарному отношению (например, рабство) тоже носит постепенный характер. Естественно, в любом авторитарном обязательном отношении фактически остается некий минимум собственного интереса подчиняющегося к подчинению, неизбежный побудитель подчинения. Так что и здесь все плавно и постепенно. Если же мы хотим провести различия в этом непрерывном потоке форм, не имеющих четких переходов, нужно отталкиваться от полярной противоположности между, например, чистым рыночным обменом, который ориентирован на компромисс интересов, т.е. фактической властью, вырастающей из владения как такового, и авторитарной властью отца семейства или монарха, апеллирующих единственно к долгу послушания. Но многообразие форм власти, разумеется, не исчерпывается этими примерами. Даже владение как таковое

³ Всеобщая воинская обязанность вводилась в немецких государствах в течение XIX в., а в Германском рейхе существует с 1871 г.

может быть основанием власти не только в форме рыночной власти. Как мы уже видели [т. II, с. 38–41], даже в социально недифференцированных отношениях оно, будучи связанным с определенным образом жизни, оказывается как таковое основанием далеко идущей социальной власти в соответствии с социальным статусом отца либо дамы — хозяйки салона, — основанием, на котором «стоит» дом. Такие отношения при определенных условиях могут приобретать буквально авторитарные черты. Не только рыночный обмен, но и конвенциональный обмен любезностями в светском общении порождают господство в широком смысле — от «светских львов» до патентованных *arbitrarij elegantiarum*⁴ императорского Рима и «дворов любви» дам Прованса⁵. Такие структуры господства обнаруживаются не только в области частных рынков или отношений. *The Empire State*, точнее, задающие в нем тон авторитарные и рыночные персонажи, даже не располагая формальным правом отдавать приказы, могут осуществлять далеко идущую, иногда деспотическую гегемонию. Примером могут служить Пруссия в Таможенном союзе и в Германском рейхе или — в гораздо меньшей степени — Нью-Йорк в Америке; прусское чиновничество вело себя так в Таможенном союзе потому, что территория Пруссии представляла собой крупнейший и важнейший рынок сбыта товаров, а в немецком федеральном государстве — отчасти потому, что управляло самой разветвленной сетью железных дорог, самым большим числом университетских кафедр и т.д. и вполне могло нейтрализовать соответствующие органы формально равноправных государств, частично же по другим сходным причинам; Нью-Йорк — в силу сосредоточения крупных финансовых империй на небольшом политическом пространстве. Все это — формы власти, возникшей из конstellляции интересов, тождественные или близкие власти, рождающейся из рыночных отношений, которые, однако, в ходе развития легко могут превратиться в формально урегулированные отношения *авторитета*, или, в более точной формулировке, могут быть обобществлены как гетерокефалия отдачи приказов и аппарата принуждения. Надо отметить, что чисто рыночное или обусловленное конstellляцией интересов господство может именно в силу своей неформализованности восприниматься как намного более гнетущее, чем авторитарное отношение, которое прямо предполагает повиновение как обязанность. Но на этом нельзя базировать социологическое образование понятий. В дальнейшем мы будем употреблять понятие

⁴ Перевод и разъяснение встречающихся в тексте слов и выражений на иностранных языках см. в словаре иноязычных слов и выражений в конце настоящего тома (с. 455–464).

⁵ Разъяснение специальных терминов, исторических реалий, а также исторических и географических названий, встречающихся в этой и последующих главах, дается в глоссарии, словаре понятий Макса Вебера и библиографическом указателе (с. 421–454, 465–513).

«господство» в узком смысле — в противоположность власти, возникающей в силу констелляции интересов, особенно рыночного характера, которая формально основана на свободной игре интересов, т.е. мы будем считать господство тождественным авторитарной власти приказа.

Следовательно, под господством здесь понимается такое положение дел, при котором объявленная воля (приказ) господствующего или господствующих должна определять и фактически определяет действие других (подчиняющегося или подчиняющихся) таким образом, что данное действие в социально значимом отношении разворачивается так, *как если бы* подчиняющиеся сделали содержание приказа (просто в силу его наличия) максимой собственного действия (подчинение).

1. Громоздкая формулировка с оборотом «как если бы» (конечно, если мы готовы принять за основу предложенное определение) представляется все же неизбежной, потому что для наших целей недостаточно только внешних результатов, т.е. факта следования приказу, нам безразличен также мотив принятия приказа как действующей нормы. При этом каузальная цепочка от отдачи приказа до его исполнения в разных случаях выглядит по-разному. Уже чисто психологически приказ может реализовываться благодаря эмпатии, внушению или рациональному убеждению либо комбинациям этих основных форм воздействия людей друг на друга. Так же обстоит дело и с конкретной мотивацией: приказ в каждом отдельном случае может исполняться по причине уверенности в его правильности, или из чувства долга, страха, по привычке, или чтобы извлечь выгоду, причем различие мотивов *необязательно* имеет социологическое значение. Но в то же время социологический характер господства, как мы увидим, будет меняться каждый раз в зависимости от базовых различий в основе действенности господства.

2. От обсуждавшегося ранее широкого смысла господства как стремления «представить-себя-значимым» (на рынке, в салоне, в дискуссии, где угодно) к используемому нами более узкому понятию ведут, как мы видели, многочисленные переходные ступени. Мы намерены кратко остановиться на более четком разграничении этих двух смыслов господства. Прежде всего, отношение господства, разумеется, может быть двусторонним. Современные чиновники различных ведомств, например, могут взаимно подчиняться приказам друг друга, каждый в сфере своей компетенции. Здесь не возникает понятийных сложностей. Однако господствует ли, например, при заказе пары сапог сапожник над клиентом или же клиент над сапожником? Ответ в каждом конкретном случае был бы различным, но почти всегда гласил бы, что воля каждого из них в *части* процесса воздействует на волю другого даже при условии сопротивления со стороны последнего, и в этом смысле — господствует. Но на таком фундаменте трудно основать строгое понимание господства. Сказанное относится и ко всем другим отношениям обмена, даже идеальным. Если, например, как это часто бывает

в Азии, деревенский ремесленник служит на постоянной должности, будет ли он господствующим в рамках своей профессиональной компетенции или станет объектом господства, и если верно последнее, то кто господствует над ним? В этом случае стоило бы использовать понятие «господство» лишь для отношений между ремесленником и его подмастерьями, с одной стороны, и между ним и «начальством», т.е. лицами, имеющими право ему приказывать и его контролировать, — с другой; это как раз и будет сведение господства к нашему узкому пониманию. Ровно так же, как позиция ремесленника, будет выглядеть и позиция деревенского старосты, т.е. начальствующего лица. Различие между частным «гешефтом» и общественной «должностью», к которому мы привыкли, есть продукт развития и отнюдь не является повсюду само собой разумеющимся, как у нас. Согласно представлению, популярному в Америке, занятие судьи есть «бизнес», так же как занятие банкира. Судья — это человек, обладающий монополией на *decision* в пользу одной из сторон, благодаря чему она может предъявить другой стороне какие-то требования или, наоборот, защититься от ее требований. В силу этой привилегии он имеет прямые и не прямые, легитимные и нелегитимные выгоды, за право обладания которыми платит часть своих *fees* в кассу партийного босса, предоставившего ему эти выгоды. Мы же, со своей стороны, будем считать деревенского старосту, судью, банкира и ремесленника в равной степени обладающими качеством господства, *когда и только когда* они претендуют на повиновение и встречают повиновение своим приказам как таковым в социально значимой степени. К сожалению, единственно удовлетворяющий нас объем понятия обнаруживается только в связи с правом отдачи приказа, даже если учесть, что в реальной жизни все представляет собой «переходную форму». Само собой разумеется, что для социологического наблюдения решающим является не *идеальное*, т.е. выведенное согласно юридической догме из некоей нормы, но *фактически* существующее право, или факт, что приказы того, кто претендует на авторитет, имеют *фактические* последствия в социально значимой степени. Тем не менее в социологическом анализе предполагается, что фактическое право приказа старается обычно выглядеть как *superadditum* существующего на правовом основании нормативного порядка, и потому социолог должен работать с понятийным аппаратом права.

2. Господство и управление.

Сущность и границы демократического управления

Господство интересует нас здесь в первую очередь постольку, поскольку оно связано с управлением. Любое господство проявляется и функционирует как управление. Любое управление требует господства, ибо для его осуществления необходим кто-то, наделенный властью отдачи приказов. Власть отдачи приказов может при этом быть совершенно незаметной, и господин может слыть и чувствовать себя слугой подвластных. Особенно

это характерно для так называемого *прямого демократического управления*. Демократическим оно называется по двум не обязательно связанным друг с другом причинам, а именно поскольку оно: 1. основывается на предпосылке о том, что в принципе все обладают равной квалификацией для управления общими делами, и 2. минимизирует объем власти по отдаче приказов. Функции управления передаются либо в порядке очередности, либо по жребию, либо путем прямых выборов на относительно короткий срок; все или почти все важные материальные решения подлежат приговору товарищей, функционерам остается лишь подготовка и исполнение решений и так называемое *текущее управление* согласно указаниям общего собрания товарищей. Управление многих частных объединений, так же как политических сообществ (в известной степени до сих пор; по крайней мере это относится к швейцарским землям и городским общинам Соединенных Штатов), наших университетов (в той мере, в какой оно находится в руках ректора и деканов) и многих подобных образований следует данной схеме. Сколь ни урезаны, однако, функции управления, определенная власть отдачи приказов должна быть предоставлена какому-то функционеру, в результате чего его позиция естественным образом постоянно оказывается переходной от технического управления к выраженному господству. Как раз на предотвращение подобного развития направлены демократические ограничения его власти. На равенство участников и минимизацию господства функционеров также часто делают упор управляющие органы *внутри* самого господствующего слоя знати (как в венецианской или спартанской аристократии или аристократии ординарных профессоров немецкого университета), применяющие те же самые демократические формы (очередность, выборность на короткий срок, жребий).

Такой способ управления воплощается обычно в союзах, которые 1. носят локальный характер, или 2. крайне ограничены по числу участников, или 3. слабо дифференцированы по социальному составу, или 4. предполагают решение относительно простых и стандартных задач, но несмотря на это 5. предполагают определенный уровень обучения практическим навыкам расчетов целей и средств. (Таково, например, прямое демократическое управление в Швейцарии и США и — *внутри* привычного круга рутинных задач — также в русском «мире»⁶.) Для нас этот способ управления — не исторический исходный пункт в «ряду развития», а типологический пограничный случай, от которого мы отталкиваемся в нашем анализе. Ни сменяемость, ни жребий, ни собственно выборы в современном смысле не являются «примитивными» формами назначения функционеров в общности.

Всюду, где существует прямое демократическое управление, оно нестабильно. Как только возникает экономическая дифференциация, управ-

⁶ В оригинале — *mir*.

ление может оказаться в руках имущих. Не потому, что они превосходят остальных по личным талантам или знанию дела, а просто потому, что они *свободнее*, т.е. могут вести управленческую деятельность наряду с основной работой, лично обеспечивать то, что нужно для управления, ну и — поскольку экономически они независимы — работать за малое вознаграждение или вообще безвозмездно. Для тех, кому приходится зарабатывать на жизнь, отвлекаться на управление означало бы жертвовать дорогим для них временем, а соответственно, возможностью заработка, что по мере роста интенсивности труда становится все более неприемлемым. Гарантией преимуществ, таким образом, оказывается не высокий доход сам по себе, а именно нетрудовой доход либо доход, получаемый от нерегулярной деятельности. Слой современных фабрикантов, например, при прочих равных обстоятельствах чисто экономически гораздо менее свободен, а следовательно, в гораздо меньшей степени способен взять на себя управленческие функции, чем, скажем, в Средневековье класс владельцев поместий или патрицианский слой крупных торговцев с их лишь нерегулярной работой для получения дохода. Точно так же, например, в университетах руководители крупных медицинских и естественно-научных институтов, несмотря на весь свой опыт, оказываются не лучшими, а, как правило, худшими ректорами с точки зрения решения практических управленческих задач, и именно в силу своей профессиональной занятости. Так что чем менее свободны зарабатывающие индивиды, тем в большей степени прямое демократическое управление в условиях роста социальной дифференциации имеет тенденцию перерождения в господство *знати*. Ранее мы уже познакомились с этим понятием; знать мы рассматриваем как слой носителей особого социального престижа, привязанного к особому образу жизни. Теперь к понятию добавляется еще один характерный дополнительный признак: вытекающая из экономического положения этой группы ее особая predisposedность к восприятию социального управления и господства как почетной обязанности. Мы можем дать предварительное общее определение знати: это обладатели нетрудового или таким образом получаемого дохода, что работа по его обеспечению, даже если она имеется, оставляет им возможность принятия на себя наряду с профессиональной деятельностью управленческих функций; благодаря своему экономическому положению они ведут характерный образ жизни, позволяющий им в собственных глазах и в глазах окружающих выступать носителями престижа сословной чести и, соответственно, быть призванными к господству. Господство знати часто проявляется в форме возникновения комитетов советников, которые предвосхищают или фактически подменяют постановления общности, благодаря собственному престижу монополизируя в свою пользу процессы решений. В этой форме господство знати в локальных общностях, особенно в соседских союзах, существует с самых древних времен. Различие лишь в том, что древнейшая знать имела совершенно иной характер, чем сегод-

нышняя знать рационализированной прямой демократии. Изначально степень достоинства представителя знати гарантировал *возраст*. Независимо от престижа опыта, *естественной* знатю во всех общностях, где социальное действие ориентировано на традицию, т.е. на конвенцию, обычное право и священное право, неизбежно оказываются старейшины. Именно они знают традицию; их мудрое суждение, совет, одобрение (*placet*, провозбуеца, *auctoritas*) гарантируют правильность решения общности товарищей в том, что касается отношений со сверхприродными силами, а их приговор — самый правильный в споре. Старейшины — в условиях приблизительного равенства экономического положения товарищей — просто старшие по годам в своем доме, клане, соседстве.

Однако значимость возраста как такового в рамках общности относительна и непостоянна. Там, где резервы питания ограничены, нетрудоспособный член общности будет обузой. Там, где состояние войны оказывает хроническим, важнее становится не знание традиции, а умение сражаться, и возникает «демократический» протест молодежи против старейшин: *sexagenarios de ponte!* То же самое происходит во все времена воцарения новых революционных экономических или политических, военных или мирных порядков, когда власть религиозных представлений, а следовательно, страх перед священной традицией слабеет или приходит в упадок. Возраст продолжает высоко цениться там, где важна объективная ценность опыта или субъективная власть традиции. Лишение привилегий возраста как такового, однако, происходит, как правило, не в пользу молодости, а в пользу других типов социального престижа. При экономической или сословной дифференциации «советы старейшин» (герузии, сенаты) сохраняют часто только свое традиционное имя, фактически подвергаясь оккупации со стороны знати в отмеченном выше смысле, т.е. *экономической* знати, или со стороны носителей привилегий сословной чести, власть которых базируется в конечном счете на объеме и форме имущества. И напротив, как только возникает возможность, появляются призывы к борьбе против господства знати за демократическое правление в интересах неимущих или же экономически сильных, но лишенных социального престижа групп имущих. А поскольку знать в силу своего сословного престижа сама способна создать войско неимущих из числа экономически от нее зависимых, конфликт становится основанием для образования *партий*. С возникновением борьбы за власть между партиями «непосредственно управляемая демократия» неизбежно утрачивает свой специфический, содержащий только зародыш господства характер. Ибо каждая подлинная партия является образованием, специфическим образом борющимся за *господство*, и потому — как бы ни стремилась она это скрыть — внутри себя партия структурируется в соответствии с названной целью.

Нечто подобное социальному отчуждению, в которое погружается в случае «чистой» демократии общность товарищей, ведущих в принци-

пе одинаковый образ жизни, имеет место, когда социальное образование перешагивает определенную *количественную* границу или же когда *качественная* дифференциация управленческих задач делает проблематичным решение таковых любым из товарищей, пришедших управлять в силу очередности, жребия или выборов. Условия управления массовыми образованиями в корне отличаются от условий управления небольшими союзами, основанными на соседских или личных отношениях. Когда речь заходит об управлении массами, меняется социологический смысл понятия «демократия», причем меняется так, что становится просто бессмысленным искать за этим общим именем какое-то общее содержание. Количественное, а также качественное расширение управленческих задач, во все большей степени вызывающее необходимость обучения и опыта для технического совершенствования управления, в долгосрочной перспективе неизбежно порождает фактическую преемственность в деятельности по крайней мере части функционеров. В силу этого возникает вероятность некоего длительного образования для целей управления, что одновременно означает: и для целей реализации господства. Такое образование может иметь описанный выше коллегиальный характер объединения знати, а может выступать как монархическая структура с иерархическим подчинением функционеров единому высшему руководству.

3. Господство посредством «организации».

Основы легитимности господства

Господствующее положение любого круга лиц, принадлежащего к любой структуре господства, по отношению к подчиняющимся господству «массам» основывается на «преимуществе малочисленности», т.е. на имеющейся у господствующего меньшинства возможности быстро достичь взаимопонимания и при необходимости организовать и планомерно осуществить рациональное обобщественное действие для сохранения своего господства, благодаря чему угрожающее массовое или общностное действие будет без труда подавлено, если, конечно, противник не предпримет столь же эффективных мер по систематической и планомерной организации обобществления, нацеленного на завоевание собственного господства. Преимущество малой численности полностью реализуется благодаря сохранению в *тайне* знаний, намерений и решений господствующих, что оказалось бы трудным и маловероятным при большой их численности. Любое усиление режима сохранения «служебной тайны» есть симптом либо намерения господствующего ужесточить господскую власть, либо возникновения у него ощущения растущей угрозы. Любое господство, нацеленное на собственное сохранение, есть в определенном решающем пункте *тайное господство*. Специфические же структуры господства, возникающие в ходе обобществления, представляют собой, вообще говоря, круг лиц, привыкших исполнять приказы *вождей* и имеющих личный *интерес* в сохране-

нии господства; они участвуют в реализации власти отдачи приказов и их насильственного исполнения, чем служат поддержанию и сохранению господства («организация»). Вождя или вождей, которым власть отдачи приказов не была *поручена* или *вручена* другими вождями, мы будем называть «господами», а находящихся в их особом распоряжении упомянутых выше лиц — «аппаратом». *Структура* господства обретает свои социологические характеристики прежде всего в силу своеобразия отношений между господином или господами и аппаратом, а также между ними обоими и теми, кто подчиняется, и, далее, вследствие специфических присущих ей принципов организации, т.е. распределения власти отдачи приказа. Кроме того, еще и в силу множества разного рода моментов, из которых можно вывести многообразные принципы социологической классификации форм господства. С точки зрения наших ограниченных целей следует, однако, вернуться к тем базовым типам господства, которые обнаруживаются, если задаться вопросом, каковы последние основания, на которых зиждется *действенность* господства, т.е. притязания на повиновение чиновника господину и подданных — им обоим.

С этой проблемой легитимности мы уже сталкивались при рассмотрении правового порядка, и теперь нужно дать более общее обоснование ее значимости. Для любого господства его легитимность не есть предмет только теоретической или философской спекуляции; это основа в высшей степени реальных различий эмпирических структур господства, и причина ее важности в универсальном факте потребности каждой власти — да и вообще каждого жизненного проявления — в самооправдании. Ведь даже простейшее наблюдение показывает: если взять двух людей, чьи судьбы и положение отличаются друг от друга (в том, что касается здоровья, материального или социального статуса или в любом другом отношении), то, даже если причина этих различий чисто случайная, все равно тот, кто оказался в более благоприятной ситуации, чувствует неукротимое желание считать ее «легитимной», собственное положение — «заслуженным», а в проблемах и неприятностях другого искать его собственную вину. То же самое наблюдается и в отношениях между позитивно и негативно привилегированными группами. Легендой каждой высокопривилегированной группы является ее превосходство по самой своей природе, если возможно, по крови. В условиях стабильного разделения власти и, соответственно, сословного порядка, вообще при низкой рациональности представлений о том, как организовано господство, свойственных «массам» до тех пор, пока давление обстоятельств не заставит в них усомниться, негативно привилегированные слои принимают эту легенду. Но во времена, когда чисто классовое положение прямо и очевидно для каждого демонстрирует себя как сила, диктующая человеческую судьбу, легенда привилегированных слоев о том, что человек заслуживает своего жребия, как раз и становится причиной особого негодования и возмущения негативно привиле-

гированных; в позднеантичной, иногда в средневековой и, конечно же, в современной классовой борьбе именно эта легенда и основанный на ней «престиж легитимности» становились и становятся объектом самых мощных и действенных атак.

Организация любого господства (в нашем техническом смысле слова), естественно, глубочайшим образом связана с самооправданием путем апелляции к легитимирующим его принципам. Существуют три таких конечных принципа. 1. Действенность власти приказа может быть выражена в системе установленных (договорных или октроированных) *рациональных правил*, которым подчиняются как общеобязательным нормам в случае, если к ним прибегает тот, кому это положено по правилам. Конкретный носитель власти легитимируется этой системой правил, и его власть легитимна в той мере, в какой она реализуется согласно последним. Подчиняются правилам, а не личности. Или же 2. действенность господства базируется на *личном авторитете*, который может иметь основание в святости *традиции*, т.е. привычного, того, что пребывало неизменным всегда, и эта традиция предписывает повиноваться определенным персонам. Или же, совсем наоборот, 3. действенность господства базируется на чрезвычайном обстоятельстве — на вере в *харизму*, т.е. в откровение или благодать, снизошедшую на определенного человека, — святого, пророка или героя любого рода. Этим трем принципам соответствуют чистые, основополагающие типы структур господства, путем комбинации, смешивания, взаимного приспособления или преобразования которых возникают реальные структуры господства, встречающиеся в исторической действительности. Рациональное обобществленное общностное действие структуры господства обретает свой специфический тип в «бюрократии». Общностное действие, связанное с традиционными отношениями авторитета, типически представлено «патриархализмом». На нерациональном и не основанном на традиции авторитете конкретной личности зиждется «харизматическое» господство. Мы начнем с самого распространенного у нас и самого рационального типа, каковым является современное бюрократическое управление.

БЮРОКРАТИЗМ

Специфический способ деятельности современной бюрократии с. 30. — Место чиновников с. 31. — Предпосылки и сопутствующие проявления бюрократизации. 1. Денежно-экономические и финансовые с. 37. — 2. Количественное развертывание управленческих задач с. 41. — 3. Их качественное преобразование с. 44. — 4. Техническое превосходство бюрократической организации с. 45. — 5. Концентрация средств управления с. 52. — 6. Нивелирование социальных различий с. 54. — Долговременный характер бюрократического аппарата с. 58. — Экономические и социальные последствия бюрократизации с. 59. — Властное положение бюрократии с. 61. — Процесс развития рацио-

нальной бюрократической структуры господства с. 64. — «Рационализация» воспитания и образования с. 68.

Специфический способ функционирования современного чиновничества выражается в следующем.

I. Существует принцип жестких административных *компетенций*, распределяемых на основе правил — законов или управленческих регламентов и состоящий в том, что 1. налицо строгое распределение регулярных видов деятельности, требуемых для достижения целей бюрократически управляемого образования, в качестве служебных обязанностей, 2. властные полномочия, необходимые для исполнения этих обязанностей, также строго распределены и снабжены средствами принуждения (физическими, сакральными, любыми другими), использование которых также ограничено посредством жестких правил, 3. для постоянного регулярного исполнения распределенных таким образом обязанностей и реализации соответствующих прав предусмотрен планомерный набор лиц, обладающих требуемой общей квалификацией.

Эти три момента конституируют в публично-правовых отношениях бюрократическое *учреждение*, а в частнохозяйственных — бюрократическое *предприятие*. В таком виде эти институты полностью сформировались в политических и церковных общностях лишь в современном государстве, а в частном хозяйстве — в самых развитых структурах капитализма. Постоянные учреждения со строгим разделением компетенций — не правило, а исключение даже в таких обширных политических образованиях, какие были на Древнем Востоке, а также в империях германских и монгольских завоевателей и во многих феодальных государственных образованиях. Самые важные дела властитель как раз поручает доверенным лицам, сотрапезникам и служащим при дворе, формулируя конкретные разовые поручения без четко определенных границ полномочий.

II. Существует также принцип *служебной иерархии* и прохождения инстанций, т.е. строго упорядоченная система начальствования и подчинения в системе должностей и надзора высшей должности над низшей, что дает подвластным строго урегулированную возможность апеллировать к вышестоящей инстанции. При полном развитии типа эта служебная иерархия организуется *монархически*. Принцип иерархического чередования инстанций одинаково проявляется в государственных и церковных, а также во всех других бюрократических образованиях, таких, например, как большие партийные организации или крупные частные предприятия, независимо от того, будем ли мы эти частные инстанции тоже называть учреждениями. При полной реализации принципа компетенций, по крайней мере в публичных службах, иерархическое подчинение отнюдь не равнозначно праву высшей инстанции присваивать себе дела (т.е. компетенции) низшей инстанции. Как правило, это невозможно, поэтому в

случае освобождения однажды введенной должности она обязательно будет занята вновь.

III. Работа современного учреждения основана на письменных документах (актах), сохраняющихся в оригинале или черновике, и на работе штаба разнообразных младших чиновников и клерков. Совокупность работающих в учреждении чиновников вместе с соответствующим аппаратом снабжения и документооборота образуют *бюро* (в частных предприятиях нередко именуемое *канторой*). Современная учрежденческая организация принципиально разделяет бюро и частное место жительства, поскольку она вообще отделяет служебную деятельность как особую область от сферы частной жизни, а также служебные деньги и средства от частного имущества чиновника. Такое положение стало результатом длительного развития. Оно одинаково характерно как для общественных, так и для частнохозяйственных организаций, а в последних распространяется даже на самих ведущих предпринимателей. Кантора и дом, служебная и частная корреспонденция, служебное и частное имущество принципиально отделены друг от друга, и это тем более заметно, чем последовательнее реализуется современный тип делового поведения, начала которого проявляются уже в Средневековье. Особенностью современного предпринимателя можно считать и то, что он ведет себя на своем предприятии как его «первый чиновник», так же как господствующее лицо в специфически современном бюрократическом государстве считает себя его, государства, «первым слугой»⁷. Представление о том, что государственная работа в бюро и частнохозяйственная — в канторе различны по своей внутренней сути, имеет европейское континентальное происхождение; американцам оно чуждо.

IV. Служебная деятельность, по крайней мере вся специализированная служебная деятельность, предполагает обычно углубленное профессиональное обучение, что также специфически современная черта, которая все более характерна для руководителей и сотрудников частных предприятий, так же как для государственных служащих.

V. В полноценном учреждении служебная деятельность забирает все силы чиновника, даже несмотря на то что обязательное рабочее время в бюро может быть строго ограничено. Нормальность такого положения дел тоже есть продукт долгого развития общественной и частной службы. Ранее нормальным везде считалось прямо противоположное — ведение в виде «побочного занятия» разных прочих гешефтов.

VI. Исполнение чиновниками их служебных обязанностей осуществляется на основе общих, более или менее строгих, более или менее детализированных правил, поддающихся систематическому формулированию. В совокупности они представляют собой особое учение правовой, управ-

⁷ «Первым слугой государства» или «первым слугой и чиновником государства» называл себя прусский король Фридрих II.

ленческой, технико-организационной направленности, которым должны владеть чиновники.

Опора на правила столь глубоко укоренена в сущности административной работы, что современная наука считает даже, что, например, предоставление законом государственному органу права на упорядочение определенных сфер жизни путем выработки предписаний уполномочивает орган не на регулирование от случая к случаю путем отдачи приказов, а только лишь на выработку и контроль реализации абстрактных правил. Налицо, таким образом, полная противоположность, например, патримониализму, где регулирование, как мы увидим далее, сводится к предоставлению индивидуальных привилегий и оказанию милостей (в случаях, разумеется, отношений, не освященных традицией).

Все это порождает ряд последствий для внутреннего и внешнего положения чиновника.

I. Служба — это *профессия и служение*⁸. Это проявляется прежде всего в необходимости обязательного обучения, требующего времени и напряжения сил, а также обычно сдачи экзамена как условия принятия на должность. Кроме того, это проявляется в специфике позиции чиновника, предполагающей наличие «служебного долга», определяющего внутреннюю структуру отношений, в которые входит чиновник. Занятие должности юридически и фактически трактуется не как получение чиновником потенциального источника рентных или побочных доходов в обмен на исполнение определенных обязанностей — что было обычным в Средневековье и иногда вплоть до Новейшего времени, — и не как обыкновенный обмен услугами на возмездной основе — как в случае свободного трудового договора, а совсем иначе: вступление в службу даже в частном секторе трактуется как принятие особого *долга служебной верности* в обмен на обеспечение средств гарантированного существования. Специфический характер современной служебной верности состоит в том, что в чистом виде она представляет собой не отношение к конкретному лицу по типу вассальной или апостольской верности — как, например, в феодальных или патримониальных структурах господства, — а служение безличной *функции*. За этой функцией обычно скрываются идеологически истолкованные суррогаты земного или сверхъестественного персонифицированного господина, т.е. считающиеся реализованными в данной общности идеи культурных ценностей, таких как «государство», «церковь», «община», «партия», «фирма». Политический чиновник, например, по крайней мере в современном развитом государстве, не считается личным прислуживающим властителя. Но ведь и епископ, священник, проповедник, по существу, не являются уже, как в раннем христианстве, носителями персональной харизмы, надмирные священные дары которой они, по личному поручению господина

⁸ См. *Профессия и Призвание* в словаре понятий Макса Вебера.